

АРХЕО·ГРАФИКА

№12, декабрь 2021 г. ~ трудами Археографической лаборатории Истфака МГУ

В номере:

На месте Шелонской битвы

Д.А. Сундукова, Архлэб

Топонимические отголоски путешествия Екатерины Великой по Новгородской области

Екатерина Леонова

Бронницы.

Историческая память

Анастасия Зимина

Несколько слов о старообрядцах в изучении старообрядчества

Александра Семенова

Обретение старой веры в неверующей стране

Яков Шноль

Консервативные и либеральные взгляды на следование обряду в среде старообрядческих иереев

Александр Черепенин

Проблема семьи и брака в представлениях современ- ных старообрядцев

Екатерина Тимонина

О проекте

«Рукописная книга: традиция и современность»

Марина Волоскова

Новое поле, трудности и особенности разведки

В прошедшем сезоне по приглашению поморской старообрядческой общины мы решили провести археографическую практику в Великом Новгороде. Основной целью было описание книжного собрания поморской моленной, но одновременно и антропологическая разведка, целью которой было проанализировать возможности будущего исследования современных беспоповских общин региона. Помимо нашего главного археографа и учителя Ирины Васильевны Поздеевой, студентов и аспирантов истфака и сотрудников лаборатории с нами отправились наши бывшие студенты, коллеги из РАНХиГС и Музея русской иконы.

Задача систематизации библиотеки и описания старопечатных книг XVII века была приоритетной и решалась силами всех участников экспедиции. Многие студенты в ходе работы выбрали книжное направление и продолжили разгадывать книжные ребусы до конца экспедиции. Антропологи столкнулись с тем, что можно назвать «сопротивление поля», когда староверы отказывались говорить или рассказывали совсем не то, о чем их спрашивали. И книжников, и антропологов испытывала на прочность изнуряющая жара. Книжные описания, листы, мы вместе еще будем шлифовать. Антропологи познакомились с радушным, молодым, грамотным наставником в городке Крестцы, и этот район спланировали для дальнейшей работы.

В номере путевые заметки антропологов из новгородских окрестностей, а также продолжение публикации эссе участников онлайн-практики 2020 года.

Новгородская археографическая экспедиция Истфака – 2021

НА МЕСТЕ ШЕЛОНСКОЙ БИТВЫ

Две деревни, Скирино и Велебицы, вытянулись, перетекая друг в друга, вдоль реки Шелони. Места эти недалеко от Новгорода и Питера, потому здесь много дачников – как правило, выходцев отсюда же. Они уехали в крупные города, но, время от времени возвращаясь на родину, сохранили связь с деревенским миром.

Река Шелонь, теплая, как парное молоко, берет свое начало и питается ручьями из болотных торфяников, а потому характерного ржавого цвета. Ее знают по битве, случившейся в окрестностях деревни Скирино в 1471 г. Битва на Шелони – поражение новгородцев и последовавшее за этим присоединение Новгорода к Москве. Как бы подчеркивая масштаб события, памятника здесь стоит два – надпись на одном свидетельствует о победе, которая привела к величию и свободе, надпись на другом говорит о битве за единое государство.

Река Шелонь

В Скирино, как говорят, все потомки старообрядцев. Есть и старообрядческое кладбище: сосновый борок, черничные кусты и кресты над могилами нескольких поколений. Здесь мы познакомились с Антониной Ивановной и Марией Иосифовной.

Антонина Ивановна опирается на палочку и ходит с большим трудом. Она помнит, как в детстве молились на Пасху, и как «солнце играло» на

великий праздник. По привычке, рассказывает о войне, о партизанах и чудесном спасении от немецкого плена. Мы знаем, что Антонина Ивановна считается одной из самых грамотных в деревне, ее тетка была, как принято здесь говорить, «за по́пá», то есть возглавляла моления и крестила.

Мария Иосифовна рассказывает о своих родственниках, угнанных на работы в Восточную Пруссию. Многотысячные списки оstarбайтеров из Солецкого и Шимского районов Новгородской области, заботливо собранные и опубликованные «Мемориалом», из виртуальных становятся реальными. Сама Мария Иосифовна – младшая из десяти детей, она родилась уже после войны. Вслед за своей крестной, любимой старшей сестрой, она уехала учиться в Ленинград и всю жизнь проработала на железной дороге. Неподалеку от Скирино у Марии Иосифовны дача – на том же самом месте, где раньше жили родители. Старенькая мама соблюдала старообрядческие запреты и обычаи: по праздникам ничего не делала по хозяйству и читала книги, молилась до и после еды, носила пояс под одеждой, и, заходя на кладбище, крестилась трижды. Мария Иосифовна любит вышивать крестиком и смотреть забавные видео в «Тик-Токе», печет вкуснейшие постные плюшки и пускает к себе в дом молиться, когда приезжает старообрядческий наставник.

Есть еще и третья бабушка, Ольга Яковлевна. Несколько лет назад она с мужем перебралась в Скирино из Питера. Большой новый дом еще не достроен, но уже сложена печь. По дому бегают кошки, на крыльце – российский флаг. Ольга Яковлевна стала «активисткой», собирала бабушек на моления, ухаживала за старообрядческим кладбищем. Антонина Ивановна и Мария Иосифовна приехали к ней – на сорочины. Через два года после переезда умер муж Ольги Яковлевны, теперь, спустя год, ушла и она сама. Её похоронили рядом с родственниками, в одной оградке, и на могиле поставили большой деревянный крест.

Д.А. Сундукова, Архлaб

Топонимические отголоски путешествия Екатерины Великой по Новгородской области

На протяжении антропологической практики в Великом Новгороде и Новгородской области мы периодически останавливались там, где когда-то путешествовала Екатерина Вторая. Первые с образом Императрицы мне довелось столкнуться в деревне Бронница. Сама деревня вытянута вдоль магистрали – здесь нет центральных парков и площадей, но, когда мы стали спрашивать о местных достопримечательностях, первые же респонденты указали нам на Екатерининский холм. Местные жители утверждали, что Екатерина Вторая, путешествовавшая по реке Мсте, осерчала по какой-то причине на крестьян и велела мужикам шапками натаскать холм. И хотя современные геологические исследования доказали, что насыпь имеет естественное происхождение, в легендарную природу холма верят охотнее. На горе находится Введенский храм, ныне, увы, заброшенный. Своим существованием он также обязан личному распоряжению Екатерины Великой.

Введенский храм. Бронницы. <http://nordwall.ru>

Стоит отметить, что в памяти местного населения именно Екатерина Вторая дала названия деревням, по которым когда-то путешествовала. Так, когда Екатерина проезжала через небольшую деревеньку, все ее жители скрылись в домах и не вышли встречать Государыню. Тогда Императрица воскликнула: «Попрятались как зайцы!». С тех пор деревня стала называться «Зайцево». Похожим образом получили свое название деревня «Тосно», где Екатерине стало тошно. В деревне «Харчевня» ее накормили харчами, а жители «Красных станов» вышли встречать Императрицу в красных рубахах.

Хотелось бы рассказать еще об одном интересном открытии. Когда мы останавливались в

поселке Крестцы, то на несколько ночей нашим приютом стал местный Дом Культуры – величественное здание, построенное в стиле классицизм. Приглядевшись внимательнее, мы поняли, что ДК является перестроенным храмом, который раньше носил имя... Святой Екатерины! Храм был построенный по велению императрицы Екатерины Второй на Соборной площади в 1777 году и перестроен в годы советской власти.

Екатерина Леонова

Кафедра истории России XIX – начала XX века

Бронницы. Историческая память

Село Бронница – бывшая ямская слобода, известная своим старообрядческим населением. Впервые Бронница упоминается в летописях под 1268 годом в связи со встречей князя Ярослава Ярославича с новгородцами, просившими его вернуться в Новгород. Наша поездка в это новгородское село состоялась 14 июля. Идя вдоль шоссе, которое сейчас проходит по старому тракту, еще можно застать екатерининскую застройку в виде небольших двухэтажных каменных домов. Тип строения выдает в них постоялые дворы, типичные для ямских слобод.

Виды Бронниц. Фото автора

Если говорить о местном населении, то оно представляет собой остатки коренных жителей и переехавших из других регионов людей: архангелогородцев, мурманчан, украинцев, белорусов. Есть сведения даже об уважаемой в соседнем селе женщине-охотнике из Ханты-Мансийского автономного округа. Украинцы и белорусы приехали еще в советское время, а жители северных районов страны, как я смогла уловить из разговоров с местным населением, преимущественно в наше время.

Можно выделить два пласта информации, которые удалось получить из общения с местными жителями. Первая пласт касался краеведческой тематики, второй – непосредственно старообрядческой.

Начну с описания полученных краеведческих сведений. В Броннице имеется действующая церковь и дом культуры. Из исторических памятников – заброшенная Введенская церковь и интересное своими захоронениями кладбище при ней. Церковь изначально была приписана военному ведомству. Она располагается на высоком холме, окутанном загадками и домыслами. Долгое время шли споры о рукотворности этого холма или о его естественном происхождении. Недавний интерес археологов к холму позволил сделать вывод о его естественном происхождении. Большие насыпи, холмы и пригорки часто окутывались легендами о языческой силе капищ,

якобы когда-то располагавшихся на них. Холм Введенской церкви не исключение: по словам местных жителей, этот холм когда-то служил местом поклонения языческим богам, а затем здесь была выстроена церковь. Во время экскурсии в музее всплыла и другая легенда – о зарытых у подножия «горы» кладах, обнаруженных когда-то давно кем-то из местных во время забора земли (местные жители использовали землю с холма для личных хозяйственных нужд). Первое обнаруженное богатство породило множество слухов, из-за которых жители-энтузиасты бросились искать сокровища. А первый, случайно обнаруженный клад, конечно же, по всем канонам – исчез. Языческой таинственностью окутан не только природный холм, но и старинное кладбище позади него. Загадка кладбища таится в надгробном камне первой половины XIX века (сейчас он хранится в музее), а, точнее, в рисунке, выбитом на нем. Рисунок представляет собой что-то антропоморфное, некоего человечка, ноги у которого сложены друг на друга крестом. Разгадать изображение местные жители пока не могут.

Загадочная надгробная плита. Фото автора

Церковь Введения во храм Пресвятой Богородицы расположена на горе в селе Бронница. Фото автора

Первый человек, с которым удалось поговорить, был житель соседней деревни Малое Лучно Степанюк Виктор Михайлович. На предложение пообщаться Виктор Михайлович ответил с воодушевлением и у нас завязалась беседа, длившаяся почти час. Хоть Виктор Михайлович и не является изначально коренным жителем, однако его знания о Новгородчине и общая эрудиция меня удивили. Сам Виктор Михайлович родом из Украины. Долгое время он работал моряком и имел заветную мечту – побывать в южных широтах. К сожалению, мечта не осуществилась. На Новгородчине Виктор Михайлович осел ни один десяток лет назад. Сейчас он на пенсии, плетет корзины, ходит за ягодами и любит кататься на велосипеде на несколько десятком километров от дома. Основные темы нашего разговора касались непосредственно его профессиональной деятельности и жизни соседних с Бронницей деревень.

Виктор Михайлович рассказал о народной этимологии происхождений названий деревень:

«Старички рассказывали такую байку: было три брата: Холын, Большой Лука и Малый Лука. И, значит, Холын поселился у Мсты, Большой Лука землепашец был, а Малый Лука он рыбак был. У нас воды много, вот там. Но это байка, я сразу понял. Почему? Потому что в одной

семье две Луки не бывает. Правда? Не называют».

Также он сообщил об общине в д. Колокола, с которой он активно контактировал в 1970-е годы на сельхозработах. Виктор Михайлович подчеркивал, что они *«жили дружно, бабушки хорошие, такого не было, отчуждения»*. По его словам, никакой особой дистанции между ними не было, сложились добрые отношения и взаимовыручка. Из бытовых моментов он отметил, что посуда у старообрядок была личная, а чужим они давали другую посуду:

«Есть деревня Колокола...И вот, значит, нас туда отправили заготавливать сено. И вот, значит, там и живут староверы. Ну, одни бабушки остались, но они нам рассказывали, что они в церковь не ходили, там церкви не было. А у одной бабушки собирались, она как священник была. В лесу за речкой сосны такие, вот, и там, значит, старинное кладбище староверское, вот. Мы туда ходили, на могилках еще были старинные медные иконы. А потом, говорят, мародёры эти... Исчезли они».

Помимо вышесказанного, Виктор Михайлович сообщил об интересном селении, отличающимся от других:

«Рассказывают, что купцы были не только в Новгороде, рыбой занимались. Тут есть озеро Вельё. Большое такое, вот. И оттуда вот этот купец-рыбопромышленник привёл людей туда. Вот деревня Чавницы есть. И, значит, там они приезжали на зиму ловить рыбу, зимой ловили, а потом, значит, кто оставался и, значит, они поселились и стали жить. И вот там дедушка рассказывал с нашей деревни, что у них и обычаи другие, и говор другой, вот».

Виктор Михайлович рассказ и о народных приметах и традициях. Первый случай, описанный им, выпал на Троицу:

«По поверью, если на Троицу идут дождь, то будет шесть недель дождь идти. А мы молодые были, ха-ха-ха, хи-хи-хи, не может быть. Откуда столько воды наберется, шесть недель? И действительно. Тепло, с утра поморосит, если с утра нет, то вечером моросит».

Ещё Виктор Михайлович сообщил о местном празднике Кирика:

«У нас церковный праздник был Кирик. Называется еще праздник огурца. У нас, оказывается, Холыня, вот наша деревня, там какой-то микроклимат...».

Из примет Виктор Михайлович привёл следующие «Пётр и Павел час убавил» и «Илья Пророк два часа уволок».

Виктор Михайлович дополнил сведения о естественном происхождении холма Введенской церкви. По его словам, данный холм в древности служил крепостью и до археологических раскопок в наше время холм копал сам граф Уваров.

На вопрос в конце беседы о том, что он думает о расколе, Виктор Михайлович ответил следующее:

«Видите, как получилось. В этом Никон виноват».

Следующая продолжительная беседа состоялась с Валентиной Васильевной Литвинович (род. 12 декабря 1935 года). Выяснилось, что она старообрядка по матери, а муж, родом из Беларуси, старообрядцем не был.

Валентина Васильевна Литвинович. Фото автора

Разговор с Валентиной Васильевной выдался долгим и приятным. Она радушно встретила нас с пирогом, который сама же приготовила к нашему приходу. Галина Николаевна рассказала о своей нелегкой судьбе: как её маленькую вместе с младшей сестрой засыпало землей во время войны, как она познакомилась с мужем-белорусом, приехавшим солдатом в её родное село строить дорогу (как сказала сама Галина Николаевна: «солдатика подцепила»), как впереди их ждала счастливая совместная жизнь и тяжелый послевоенный быт, постройка собственного

дома. В начале 1990-х годов муж Галины Николаевны внезапно умер от остановки сердца на работе, поэтому желанный дом построен до конца не был.

Внезапная кончина любимого мужа подкосила Галину Николаевну и для восстановления душевного спокойствия она стала закаляться. Однажды по болезни она обратилась к бабушке, по её утверждению староверке, которая прочитала молитву на воду и сказала ей умываться этой водой:

«В Эстьянах жила, нашей почтальонки Светы свекровь бабушка Саня. Иди к ней говори, она тебе поможет. Вот я к ней пришла, у нее иконы... Она говорила: «Родная, помогаю не я. Я только прошу. [Текст заговора]: Я прошу Иегову через сына его возлюбленного Иисуса Христа помощи рабе божьей такой-то. И давала водичку, вот наговаривала как-то, читала молитвы, с собой этой водичкой умываться и пить. Это вот было...»

Валентина Васильевна также вспоминала о своих детских днях, проведённых у бабушки-староверки:

«Очень соблюдала посты, и нас(внуков) заставляла постничать. Великий Пост – это как хочешь, она уже готовит, там вот, творог и заливает топлёным молоком. Пенки-то как хотелось».

Удалось получить сведения о местной старообрядческой семье Авдеевых, с которой Валентина Васильевна общалась в детстве:

«Эти вот... очень такие заядлые были староверы. Вот Авдеевы, что рядом жили с нами: они под горшок стриглись, во-первых... вот так вот, кругло все было. У них была мельница внизу, мы у них мололи, колоски собирали, мололи у них зерно. Если они с большой деревянной миски. Это я тоже знаю, и деревянными ложками. В Эстьянах они жили. А вот в Крестцах было больше староверов и в Хотоли. Не доезжая Крестцов, там есть такая деревня Хотоли, там много староверов».

«Скажу, вот те Авдеевы, они не очень были (общительными), но мы с ребятами. У них ребятшек тоже много было, четверо, мы как-то общались. Мне-то попадало. У нас мамушка работала в Новгороде и что-то попадало иногда. И вот потом колоски собирали, смелем у них (у Авдеевых). Бабушка лепёшек испечёт, я где-нибудь в промежек спрятаю, в борозду, мне потом палкой и за это бывало, потому что своим мало. Делилась, вот им носила (Авдеевым)».

В доме Валентины Васильевны хранится семейная реликвия – подкладная икона св. Николы Чудотворцы, купленная её мамой:

«Мамушка купила за 150 рублей, тогда была пенсия 15 рублей. Она всю пенсию отдала, в Холыню ходила... Она у нас в углу висит, старообрядческая икона».

Валентина Васильевна разрешила посмотреть икону, но судя по жесту благословения, икона оказалась не старообрядческой, а никонианской.

Икона Валентины Васильевны. Фото автора

Разговоры с Виктором Михайловичем и Валентиной Васильевной были довольно продолжительными и увлекательными, не все в данной статье было упомянуто, но основные моменты обозначены. Однодневная поездка в Бронницу, конечно, не могла дать единой картины о местном старообрядчестве, но те сведения, что удалось получить, вполне могут быть использованы для дальнейшего исследования Бронницы и соседних селений.

Анастасия Зими́на
Кафедра истории Церкви

Несколько слов о старообрядцах в изучении старообрядчества

Как историка, отделенного от предмета своего исследования географией, временем, культурой, языком, меня не могла не заинтересовать ситуация в некотором смысле обратная: когда антрополог-старообрядец занимается своими современниками старообрядцами. То есть дистанция, на преодоления которой мы, историки, тратим большое количество времени и усилий, сокращается настолько, что начинаешь задаваться вопросом, а есть ли она вообще. Об этом и хотелось бы сказать несколько слов.

За время дистанционной экспедиции мне удалось пообщаться с двумя такими “старообрядоведами” – Д.Р. (антрополог из университета Тарту, занимается часовенными Тувы) и А.П. (антрополог, доктор исторических наук, профессор, в основном занимается изучением липован, но в последнее время также и часовенными Тувы).

Закономерно начать с вопроса о том, как они стали старообрядцами и исследователями старообрядчества, а также каким образом все это оказалось взаимосвязано. Д.Р. имеет предков старообрядцев по линии матери, однако прабабушка и прадедушка Д.Р. в храм ходить перестали, и их дочь (бабушка Д.Р.) вышла замуж уже не за старовера. На этом этапе традиция временно прервалась. Но в 1990-е гг. или чуть раньше (“когда началась волна религиозного возрождения”) благодаря усилиям брата бабушки, который интересовался семейной историей, традиция постепенно начала оживать. “Соответственно вместе с ним бабушка вернулась... Постепенно и моя мама, ну и я тоже немного.”

Сам Д.Р. на вопрос о том, насколько сознательно он принимал крещение (ему было тогда 10 лет), ответил таким образом: “Не знаю. Меня спрашивали, хочешь ты креститься или нет. Я сказал «да». Но вряд ли я понимал... Во-первых, я точно не понимал, куда я иду, потому что, кажется, *до того момента, как я поступил в университет, я не особо понимал вообще, что это за Церковь* [курсив мой - А.С.]”

И тут возникла следующая ситуация: “На курсе по этнографии нам задали какое-то задание, написать совершенно детский реферат «История моей семьи, история моей страны» <...> Мне, значит, вытащили его [брата бабушки - А.С.] архивы, я поговорил с бабушкой, и тут оказывается, что эта «какая-то» Церковь, она имеет куда большее значение. Собственно, наверное, это

меня привело к тому, что я сам стал заниматься исследованием старообрядчества... именно, как антропологическое.”

То есть традиция старообрядческая в семье уже существовала, а к ее сознательному осмыслению подтолкнула этнография. В свою очередь превращение Церкви из “какой-то” в “имеющую куда большее значение” приводит к выбору старообрядчества как своего антропологического “поля”.

Другая ситуация сложилась у А.П. Родители к религии относились “прохладно”, поколение бабушек и дедушек тоже. Соприкосновение со старообрядчеством произошло непосредственно в поле: “А потом я начал заниматься полями. И двадцать пять лет назад <...> я попал к липованам. <...> И вот мне тогда понравилось... <...> И со временем, так сказать, общения с ними: сначала с простыми людьми, потом с батюшками, - так сказать, привело меня к идее старообрядчества. То есть, если креститься и ходить в какую-то Церковь, то, наверное, в старообрядческую.”

Свой путь он резюмирует так: “Постепенно это переросло из социальных контактов, полевых контактов в какую-то такую сущность... Ну, человеческую, так сказать.”

В небольшом перечне изученной мной литературы, посвященной проблеме исследователя-инсайдера, в основном фигурировали люди, которые изначально были частью той социальной группы, которую впоследствии начинали исследовать. Здесь же сложилась обратная ситуация: человек начинает заниматься старообрядцами-липованами, будучи “чужим”, а затем постепенно, под влиянием поля, становится “своим”. О взаимодействии личностных метаморфоз с исследовательскими и хотелось бы поговорить.

Заранее отмечу, что передо мной не стояла цель выявить позитивные и негативные последствия двоякого положения исследователей-старообрядцев, но лишь попытаться изучить то, как в таких ситуациях один аспект личности человека может влиять на другой.

Вернемся к Д.Р. Сам он принадлежит к староверам белокрыницкого согласия, и сначала пытался писать о «своих»: “<...> но в какой-то момент попал в деревню в Горном Алтае, в которой живут часовенные. <...> Когда я только с ними стал общаться, я увидел, что можно сделать интересное исследование. До этого у меня были проблемы с постановкой исследовательского вопроса. То ли мне не хватало ресурса, чтобы отгородиться. Хотя я человек со стороны, но все равно...”

Л.Е. Каракулов, часовенный-духовный, Горная Шория, 2011 г.

Д.Р. понадобилась какая-то минимальная дистанция, чтобы увидеть исследовательскую проблему. Будучи одновременно старовером, но другого согласия, он оказался в довольно удобном положении: “У меня такой статус-кво. Я вроде как тоже старовер и при этом отличаюсь. Я могу при этом как-то грамотно лавировать между различными группировками, которые тоже у часовенных есть, которые тоже между собой ссорятся. При этом у меня всегда есть, куда отступить, потому что в регионе, где живут часовенные, обычно есть одна более-менее маленькая община белокрыницких. Я знаю, что к ним я всегда могу прийти, если у меня будут какие-то проблемы.”

Д.Р. рассказывает еще об одном полезном удобстве своего положения: “При этом быть белокрыницким еще означает, что они начинают тебя... Они не сильно занимаются каким-то прозелитизмом, но все-таки немножко начинают агитировать. <...> Мне даже не нужно ничего спрашивать, мне просто начинают говорить, говорить, и это, во-первых, какой-никакой уже материал. Во-вторых, это позволяет нам найти общие темы для разговора. Потому что я с ними не спорю, наоборот я как-то так... То есть я, понятно, что я не должен высказывать какого-то такого мнения, что они меня переубедили, но при этом я выказываю заинтересованность, и обычно хорошо идет.”

Средниковы, часовенные-духовные, Горная Шория, 2011 г.

С одной стороны Д.Р. для часовенных не совсем “чужой”, так как тоже старообрядец, с другой стороны не совсем “свой”, так как белокрынический. Первое, вероятно, делает доступ к полю немного проще, что уже само по себе может стать поводом для диалога. А принадлежность к другому согласию дает как необходимую дистанцию, так и пространство для маневра (поскольку Д.Р. не связан свойственным часовенным делением на «группировки», например).

Иная ситуация сложилась у А.П., поскольку начинал он работать в своем поле “чужим”, а стал “своим”. В этом плане интересно посмотреть на изменения, связанные с таким переходом: “я эволюционировал, я бы сказал, от того состояния колониального <...> Я приезжал, как классический такой одесский сноб, так сказать, с пробковым шлемом: «А ну, покажите-ка мне, какие у вас есть раритеты!» <...> А потом это переросло в такой native anthropology...”

В этом контексте мне кажется важным добавить еще два важных момента из интервью. Первый является своеобразным ответом на постоянный в таких ситуациях вопрос об объективности: “Я уже вне старообрядчества и постулировал, и сейчас до сих пор постулирую, что наша наука очень субъективна и в этом ничего плохого нет. Поэтому субъективность – это как раз очень хорошо.” Второй по смыслу во многом связан с первым: “...в целом ряде вещей, по крайней мере, профессионально точно на меня старообрядчество повлияло. Не только как на личность, но и как на профессионала. Мне стали интересны те сюжеты, которые я подсматривал в поле.”

Как мне кажется, без субъективности и определенной доли эмпатии какие-то темы выпадают из поля зрения антрополога. Становление такой своеобразной «шизофрении» влияет на оба аспекта личности человека, однако самое любопытное здесь – это возможность ей воспользоваться.

“Шизофрения – это ж хорошо. Когда я кому-то из хороших студентов или аспирантов, говорю: «Это ж шизофрения», они обижаются. Я им все время объясняю: да нет, это нормально. В психиатрии это плохо, а с точки зрения культурной или бескультурной антропологии – это хорошо.”

Оба кейса запутанные, нигде нельзя провести четких границ и сказать: вот здесь старообрядец, вот здесь исследователь; вот здесь человек является одним, здесь – другим, здесь это хорошо, здесь – плохо. В результате возникает все больше вопросов, требующих ответов, что в свою очередь делает тему на каждом шагу интереснее. Две эти истории на контрасте хорошо показывают, как разные исходные положения (старообрядческие/нестарообрядческие семьи), разные сочетания антропологического интереса и личного старообрядчества влияют на исследовательский процесс, его специфику и нюансы.

Александра Семенова
Кафедра истории Церкви

Обретение старой веры в неверующей стране

Проводя беседу о религиозной жизни на территории России и прилегающих территорий, я раз за разом наталкиваюсь на колоссальный след, оставленный семью десятилетиями воинствующего атеизма. Советский Союз самым сильным образом повлиял на огромное количество аспектов жизни современной России и иных стран, входивших прежде в его состав.

Если говорить конкретно о религии, то взаимодействие советской идеологии с ней не исчерпывалось уничтожением или подчинением себе религиозных структур и организаций. В гораздо большей степени, по моему мнению, на общество повлияла атеистическая пропаганда, репрессии против религиозных деятелей и, по сути, полное табу на какие бы то ни было проявления религиозной жизни. Нормальный советский человек должен был быть атеистом.

Это имело далеко идущие последствия для верующих. Как известно, при отсутствии пресса со стороны государства в верующих семьях большая часть религиозных практик передается от старшего поколения к младшему. Если же эта связь поколений нарушается, религиозное будущее следующих поколений становится в большей степени непредсказуемым. Дети, лишённые живого примера веры собственных родителей, зачастую просто не способны сориентироваться в религиозной сфере жизни и попадают под влияние особенно навязчивой пропаганды или проповеди.

Разрыва религиозной связи между поколениями добился СССР. Многие современные христианские деятели рассказывают, что их приход в церковь был неожиданностью и шоком для родителей, которые стремились оградить своих чад от опасного влияния религии. Выходит, что к концу существования Советского Союза отсутствие видимой религиозности было не просто пропагандистским приемом, но и действительной нормой общества, которое планомерно вытесняло из себя верующих людей. Быть верующим было небезопасно для карьеры: религиозных людей подвергали травле в учебных заведениях, не принимали в комсомол, им не давали мест для работы по специальности.

И все же к началу 1980-х годов в обществе назрела усталость от советской идеологии, что выражалось, в частности, в активном религиозном поиске у многих граждан СССР. Люди чувствовали, что жизнь есть нечто большее, чем «форма существования белковых тел»; что у жизни должно быть не только посюстороннее, но и потустороннее измерение. Это толкало на погружение в доселе неизвестные простому советскому человеку сферы жизни, в результате чего многие уверовали и воцерковились несмотря на отсутствие какого бы то ни было религиозного опыта в детстве. Стоит ли говорить, что процесс этого погружения был непросто и экстремален? Но он тем более интересен для изучения.

Герои нашего рассказа – староверы разных согласий и мест проживания. Их всех объединяет интересный биографический факт: будучи потомственными староверами они не были воцерковлены семьёй и осознали себя верующими людьми в зрелом возрасте. Я вкратце перескажу их истории обретения веры и выделю некоторые характерные для всех трех сюжетов особенности.

Кирилл Яковлевич Кожурин

ruvera.ru

Кирилл Яковлевич Кожурин является потомственным старообрядцем поморского согласия и по отцовской, и по материнской линии. Однако, *«рос в советское время, и отец и мать не придерживались всех этих... обычаев»*. В 10 лет его тайно крестила тётя в деревне. Именно она была хранителем старообрядческих традиций в роду Кожуриных на тот момент: *«молебны служила, панихиды и крестила по благословению»*. Видимо в целях безопасности тётя не требовала от семьи активного участия в религиозной жизни. Сам он вспоминает, что в семье оставались традиции из разряда *«покрасить на Пасху яйца или куличи какие-то сделать»*.

По ощущениям собеседника, рядом действительно существовал некий иной закрытый мир, в который родители старались не допускать детей: *«Я знаю, что бабушка там молилась, но она в отдельной комнате жила, когда мы были маленькими. Мы жили с родителями, а она и питалась отдельно от нас, и иконы и все прочее практически... все это закрыто было. И родители старались тоже нас с сестрой не посвящать в это все, это параллельный такой мир»*.

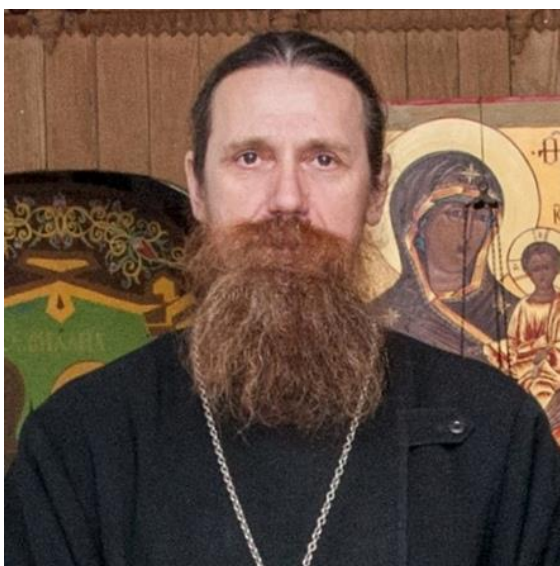
В общем и целом, в детстве он получил представление, что он – старовер: *«я всегда себя как-то ощущал, и в разговорах каких-то себя все-таки относил к этой традиции»*. Однако о том, что он поморец, Кирилл Яковлевич узнал уже ближе к 30 годам, когда начал исследовать семейную историю.

Интерес этот возник из профессионального. Занимаясь религией и культурой в СПбГУ, он написал первую в России работу на базе книги английского культуролога Генри Дюсона. Эта тема и подтолкнула к дальнейшему поиску, *«потому что у него есть такие размышления, небольшие правда, но интересные, по поводу раскола в русской церкви. Он вообще пишет о связи религии и культуры, вот по этой теме. И вот здесь как раз вот эта тема, с другой стороны, меня заинтересовала, и подтолкнула тоже к поиску собственных каких-то таких вот, скажем так, корней»*.

Заинтересовавшись, Кирилл Яковлевич стал искать собственные религиозные корни. Из-за смерти отца и тёти узнать что-то наверняка было сложно, поэтому приходилось во многом действовать наугад. Он посещал разные общины, но нигде так и не остался. Только в тридцать лет удалось узнать, что в деревне, откуда происходили его родители, была община поморского согласия. Это было отправной точкой в его активном включении в жизнь старообрядческого мира: участие в конференциях, преподавание в воскресной школе, написание работ, посвященных старообрядческой тематике.

Сам К.Я. Кожурин оценивает свой путь так, что в его жизни было *«два параллельных движения, можно сказать. Одно – это поиск корней каких-то, а, с другой стороны, это внутренний духовный поиск, попытка найти какую-то такую традицию. В общем-то, они здесь соединились, можно сказать. Ну, по-моему, вполне органично это вышло»*.

Отец Елисей Елисеев

вконтакте

Второй сюжет посвящен отцу Елисею, принадлежащему к белокриницкому согласию, проживающему в Приморье в г. Большой Камень. В роду у отца Елисея последней старообрядкой была бабушка по материнской линии, которая умерла, когда маме отца Елисея было 9 лет. Дед был малоцерковным, родители вообще нецерковными, так что *«культура старообрядческая, молитвенная жизнь и прочая нам по роду не передавалась, хотя бабушка, это известно точно совершенно, я знаю по рассказам моей матери, как молились, где молились, что священник приезжал к ним домой. То есть это вот все сохранилось в преданиях семейных, но, еще раз говорю, культура не передавалась»*.

Первым осознанным отношением к религии у будущего отца Елисея стало неприятие. Уже в седьмом классе он участвовал в атеистическом движении общества «Знание», помогал с антирелигиозной пропагандой в школах. Ситуация изменилась на первом курсе, в тот момент, когда один священник РПЦ предложил Елисею прочитать «своих теоретиков». Штудирова Ленина и Маркса Елисей наткнулся на несостыковки и откровенный цинизм в их построениях. Отец Елисей вспоминает об этом так: *««атеизм не есть истина, атеизм – это средство политической борьбы». Слова Карла Маркса! Не истина. А я истину искал. И все. На этом, конечно же, если сам основатель научного атеизма говорит, что это не истина, ну, ложь, следовательно. Не истина, а ложь. Атеизм не есть истина, а средство политической борьбы. О чем речь? Все, переосмысление позиций, конечно, было, во мне рухнул этот атеист»*.

После этого отца Елисея ждал долгий путь духовного поиска. Он *«кроме иудаизма и мусульманства, наверное, прошел все... Ну, тыкался туда, туда, туда»*. Он хотел найти правду. Со временем он пришел к уверенности, что истина лежит в христианском учении и отказался от *«суперэкуменистической»* картины мира. Спорил с кришнаитами, расставил для себя точки над i в отношении иудаизма и ислама. Крестился в РПЦ, однако со временем понял, что *«это не крещение, а осквернение суть. Стал искать тех, которые по-настоящему крестят»*. В этом поиске, как говорит отец Елисей, Бог его и привел в старую веру. В 1996 году он и вся его семья крестились у священника белокриницкого согласия.

Во многом этому процессу способствовал некий мистический опыт, которого Елисей не искал, но *«он пришел каким-то другим образом, вероятнее всего по молитвам предков»*.

Рассказывая о своем пути, отец Елисей несколько раз подчеркивал, что его к тому состоянию, в котором он сейчас находится, «потихонечку Господь привел».

Даниил Рыговский

Facebook

Даниил Рыговский живет в Тарту, но его старообрядческие корни уходят в Новосибирск. Там, в семье по материнской линии происходила старообрядческая общинная жизнь, которая прервалась во время СССР на прабабушке и прадедушке Даниила: *«Как мне рассказывала бабушка, пока была жива её бабушка, она её водила в храм в Новосибирске на тот момент уже. Когда она умерла, её родители перестали... Видимо, они боялись, тогда уже было опасно. Может быть, им нужно было много работать, и они не очень интересовались»*. Бабушка во взрослой жизни оказалась оторвана от религиозной жизни, вышла замуж не за старовера и, соответственно, воспитала детей во вполне атеистическом духе.

Но вот двоюродный дед Даниила в начале 1990-х гг. начал активно интересоваться семейными корнями и даже пытался собрать найденные материалы в некоторую книгу. Поначалу дед ходил в храм РПЦ, но со временем своих семейных изысканий приехал в Новосибирск и попал в тот самый старообрядческий приход, где окормлялись прабабушка и прапрадедушка Даниила.

Вслед за дедом в церковь вернулась и бабушка с мамой, а потом и Даниил, крещеный в 10 лет. Осознание собственных корней и религиозной принадлежности пришло к Даниилу уже в университете. Он вспоминает: *«На курсе по этнографии*

нам задали какое-то задание, написать совершенно детский реферат «История моей семьи, история моей страны». Мне тогда попал в руки архив брата моей бабушки. Мне, значит, вытащили его архивы, я поговорил с бабушкой, и тут оказывается, что эта «какая-то» церковь, она имеет куда большее значение».

В силу удаленности от Новосибирска и своего духовника Даниил не так часто исповедуется. Он с иронией говорит о своей духовной жизни: *«я очень плохой старовер»*. Оценивая весь свой путь прихода в белокрыницкую церковь, Даниил соглашается с тем, что именно память о некогда существовавшей в семье традиции была двигателем возвращения в белокрыницкую церковь.

Услышав эти три личные истории, я понял, что есть некоторые черты, которые объединяют всех троих информантов. Во-первых, приход в старообрядчество у Д. Рыговского и К.Я. Кожурина напрямую связан с поиском своих родовых корней. Отец Елисей этим не занимался, однако он сам утверждает, что его встреча с Богом скорее всего произошла по молитвам предков. Таким образом, старообрядчество оказалось не только ответом на внутренний духовный поиск наших героев, но и закономерным продолжением семейной истории. Так, Даниил говорит, что именно поиск его двоюродным дедом корней семьи привели бабушку, маму и его в церковь.

Во-вторых, ни один из троих респондентов не выбрал старообрядчество в качестве религии протеста. Часто можно встретить мнение, что старообрядчество существует только за счет постоянного противопоставления себя современной православной церкви, основывая свою жизнь на принципе «мы не такие как они». Однако эти три истории свидетельствуют, что старая вера была не способом бунта или отрицания официальной религии, а ответом на внутренние глубинные запросы. К.Я. Кожурин, говорит, что им двигал *«внутренний духовный поиск, попытка найти какую-то такую традицию [к которой можно было бы себя отнести]»*.

В-третьих, совмещая два предыдущих пункта, можно сказать, что обретение старой веры для наших респондентов стало ответом на глобальный вопрос о собственной идентичности. Ведь ответ на вопрос «кто я?» не может быть исчерпан фразой «я тот, кто я сейчас». Человек чувствует, что его неузнанное прошлое требует, чтобы его узнали. И более того, не только прошлое, но и будущее вызывает к человеку. Та мера, в которую еще только необходимо вырасти, во многом определяется духовными запросами человека.

Таким образом, внутренний духовный поиск, а также поиск собственных родовых корней, были не просто двумя параллельными процессами, случайно соединившимися в некоторых жизнях, а последовательной попыткой ответить на вопрос «кто я?», на который не была в состоянии дать ответ постсоветская идеология (вернее, полное ее отсутствие).

На мой взгляд, эти три истории достаточно характерны для тех староверов, в роду которых уже были старообрядцы, хотя передача веры прервалась. Действительно, 70 лет воинствующего атеизма оставили глубокие следы не только в массовом сознании, но и в судьбах многих семей; теперь это видно еще более отчетливо. Однако, некоторые люди (осознанно или не очень) начинают восстанавливать разрыв между поколениями, принимая веру своих предков, воспитывая в ней своих детей, преумножая свои знания об этой вере. Я думаю, это вообще глобальный процесс, характерный не только для старообрядческой среды, но и для всех верующих современной России.

Как я уже сказал, на фундаментальный вопрос о собственной идентичности сегодняшняя идеология вряд ли может дать хоть сколько-нибудь удовлетворительный для такой древней страны ответ. Именно поэтому мы наблюдаем, как все больше людей обращаясь к прошлому своего рода, находят для себя ответ о своем призвании в настоящем и миссии в будущем, тем самым заполняя ту идеологическую пустоту, которую оставил после себя СССР. Будем надеяться, это только начало глобального процесса восстановления разрушенного.

Яков Шноль
Кафедра истории Церкви

Консервативные и либеральные взгляды на следование обряду в среде старообрядческих иереев

В 2020 г. в рамках проведенной дистанционной археографической экспедиции был поставлен вопрос об отношении современных старообрядцев к следованию обряду. Как известно, вопрос о роли обряда в богослужении и вероучении был одним из ключевых во время раскола XVII века. Была поставлена задача выяснить, насколько современные старообрядцы следуют принципам неприкосновенности обряда.

В данном материале представлены две точки зрения. Оба собеседника принадлежат к общинам Русской православной старообрядческой церкви. Оба являются священниками. Обе точки зрения схожи между собой в том, что подход к чинопоследованию выражают практически одинаковый. Однако есть и различия: они заключаются в том, как священники обосновывают свой подход, на что опираются.

Первый священник считает, что изменения характерны только для неписаной традиции: *«Богослужебный устав один, меняются только неописанные вещи, не прописанные в уставе. Традиции бывают разные»*. Иерей полагает, что единственная часть службы, в которой ошибки священника не допустимы, это таиносовершительные формулы (крещение во имя Отца и Сына и Святого Духа, епиклеза на Литургии). Для Таинства Крещения характерна еще одна существенная деталь: Крещение может совершаться только через троекратное погружение: *«Таинство крещения, если священник крестит не через погружение и не во имя Отца и Сына и Святого Духа, то это считается очень грубым нарушением. И извержение сана может быть. Если человеку говорят, что так нельзя крестить, и он все равно делает, то его извергнут из сана»*.

Крещение, Кишинев, РПСЦ. Фото Сергей Цымбалюк

Итак, для Таинства Крещения необходимо соблюдение трех условий: тайносовершительная формула, трехкратное полное погружение, вера крещаемого. *«Таинство совершится. Если формула соблюдена: “Крещается раб Божий во имя Отца и Сына и Святаго Духа” и погружение три раза, это обязательно нужно соблюсти, и чтобы человек, который это крещение принимает, имел веру, то Таинство совершилось».* Из других источников узнаем, что в самых критических случаях допустимо изменение второго условия, а именно крещение через обливание, окропление, мирянином, песком и др.

За мелкие ошибки в чинопоследовании могут быть замечания, дисциплинарные взыскания. *«Самое главное у нас – это Таинство Крещения и Литургия, где нельзя особо ошибаться. Остальное более свободно».*

При этом собеседник, подчеркнув важность Крещения и Литургии, отметил, что к остальным Таинствам требования ниже: *«Например, покаяние, там понятно, главное молитву прочитать. Если ты исповедуешь, то главное общий язык с человеком найти».* Таким образом, для первого собеседника не существует понятия неприкосновенности обряда, однако сочетаются попытки и обряд соблюсти, и живой верой его наполнить.

Информант отмечает, что происходит, если священник по тем или иным причинам упустил положенные молитвы: *«А все остальное, если священник что-то не сделал по незнанию или еще почему-то, то это ангел за него совершит невидимо. А если осознанно, то это будет считаться грехом священника. Но Таинство будет совершено. А священник если не раскается, то может погибнуть».* Таким образом, умаления обряда не происходит, поскольку то, что не сделал человек, доделывает ангел.

Налицо процесс, когда человек отходит от следования шаблонному обряду и идет по пути жизненности обряда. В частности, это видно на примере покаяния: главное не вычитка молитв, а честный разговор с кающимся. Но сам для себя человек, вероятно, ответ еще не получил. Поэтому вместо открытого осознания, что обряд – это динамичная, живая форма веры и Таинств, видна заменительная форма: если я что-то упустил по незнанию, или уступая естественной динамике Таинства, то формальную часть довершит ангел.

Рассмотрим точку зрения другого собеседника. Обратим внимание на то, что в отличие от первого респондента, который считал, что изменения характерны лишь для неписаной

традиции, второй знает о разночтениях в уставах: *«Разночтения существуют даже в таком таинстве как бракосочетание. Вы, наверное, присутствовали при том, что один священник так венчает, другой эдак, один читает молитвы одним порядком, другой другим. Так был научен, так было принято».* Однако и для второго главным в жизни Церкви являются Таинства: *«Главное – Таинство. У нас Таинств семь».*

Крещение, Кишинев, РПСЦ. Фото Сергей Цымбалюк

Схожа и позиция относительно условий, по которым Таинство совершается. Отмечается веру принимающего Таинство: *«По нашей вере совершается Таинство».* Здесь нет противоречий позиции первого, поскольку там речь шла конкретно о Крещении, а здесь обо всех Таинствах в целом.

А далее респондент формулирует мысль, что чин может соблюдаться, а может нет: это зависит от обстоятельств. *«У нас есть двоякое рассуждение: одно, которое за чин, чтобы все чинно делать с чином, а есть, которое по обстоятельствам. Это же по разумениям. Есть люди более разумные, адекватно действующие времени, человеку. Мужчины, женщины – к каждому человеку нужен свой подход, а подход – это уже профессионализм. У человека может не быть профессионализма, поэтому он действует чином. Если есть профессионализм, то он действует шире».*

Таким образом, чин – это помощь для новичка в совершении Таинств. Это форма, которую новопосвященный должен соблюдать. Но нельзя останавливаться на совершении одной лишь формы: нужно глубже вникать в содержание, превращаться из жреца в пастыря. Приведем подтверждающий пример собеседника: *«У нас есть священники, которые считают личную беседу тет-а-тет исповедью. Приходит человек к священнику. Он говорит, мы с тобой вчера говорили, все, что нужно я у тебя спросил, ты мне сказал, исповедь совершилась. Что,*

нужно лоб разбить, Евангелие поставить? У человека каждый день крест висит. Если ты честный человек, то ты честно мне говоришь хоть с Евангелием, хоть без Евангелия. Если ты лукавый человек, то ты мне будешь врать и при Евангелии, хоть ты кто: хоть брат, хоть священник, хоть простой работяга. Если священник чувствует правду, то исповедь совершается, не нужен жесткий чин. Кто этого делать не умеет, тому нужен жесткий чин».

Особенно нетрадиционно звучит мысль, что Таинство исповеди совершается даже во время разговора, независимо от прочтения молитв.

Почему неправильно полагать, что соблюдение обряда есть нечто непреложное и неизменное? Потому что один обряд совершается над всеми людьми, но не всем людям гарантировано спасение. *«Почему они называются Таинства? Потому что мы не можем диагностировать, нет измерительного прибора. Получается, что по нашей вере совершается Таинство. Веру тоже измерить нельзя. А вот есть чин. Люди пытаются чином мерить все остальное. Поэтому над человеком один и тот же чин происходит – но один спасется, другой нет».*

Второй собеседник представляется вдумчивым, проникающим вглубь явления человеком.

Такие разные точки зрения, на наш взгляд, уместно разграничить как консервативный взгляд (первый собеседник) и либеральный взгляд (второй собеседник). Если первый собеседник по натуре больше пастырь, второй – философ. Если сравнить их взгляды, получается следующее. Первый видит разночтения в неписаной традиции, второй – и в писаной тоже. Оба считают, что Таинства совершаются по вере принимающего Таинство. В первом наблюдается метание: с одной стороны, ошибки в чинопоследовании исправляет ангел, что перекладывает ответственность со священника, с другой стороны, Таинство должно быть более живым. Во втором видно рассуждение: Таинство является частью жизни, а не формалистским обрядом.

Александр Черепенин
Кафедра истории Церкви

Проблема семьи и брака в представлениях современных старообрядцев

Мы побеседовали со старообрядцами из различных согласий о проблеме поиска и выбора брачных партнёров. От решения этой проблемы, на наш взгляд, зависит будущее старообрядчества. Среди информантов, согласившихся ответить на вопросы о браке, старообрядцы совершенно разных возрастов – от 25 лет и старше. В результате опроса удалось выявить ряд общих черт.

Одна из самых животрепещущих проблем, волновавших наших респондентов, имеющих детей, это проблема поиска брачной пары для потомков среди «своих», которых, по признанию всех опрошенных, практически нет, либо они малочисленны в их населённых пунктах. В сложившейся ситуации остаётся либо искать пару в других местах и даже среди представителей других согласий, либо вообще вступать в браки с никонианами, протестантами, католиками. Так, респондент А.П. (40 лет, белокрыницкий) свидетельствует о допустимости брака с представителем другого согласия: *«...из небольшого города, там они могут познакомиться. В тех же Шамарах, там и часовенные и белокрыницкие. Они меж собой женятся. Я знаю людей, у которых одна бабушка – часовенная, у другого – белокрыницкая».* Но такие браки приводят к утрате чувства сопричастности их потомков к какому-либо определённому согласию, так как их дети просто не могут сделать выбор и в итоге становятся индифферентными по отношению к своей вере. Для них не имеет значения, будет ли брак венчанным: *«Из-за этого они нигде не венчаны. Ну, потому что у каждого бабушка упирается, говорит: «нет, переходи к нам». Так они и живут. Поскольку люди совершенно нецерковные, им это особо не надо. Не надо как-то по-церковному оформлять свой брак».*

Но чаще всё-таки наши респонденты вступают в брак с нестарообрядцами. Тут уже появляется вариативность в отношении окружающих к данному явлению. Так, О.Н. (45 лет, белокрыницкая, Одесса, Украина) утверждает, что ее родители менее терпимо относятся к подобным бракам и видят в них большую опасность

«Стараются за своих. Но практика есть, понятно. И за молдаван там, и за украинцев выходят там из соседних сёл, но стараются всё»

равно как-то, вот родители так, вот родители настаивают, шо это не наша там, это не нашей веры, это не наш, но, конечно, она есть, куда там спорить если она уже упёрлась там, да? Куда ж ты её? Но родители настраивают больше всё-таки за своих».

Старообрядцы белокриницкие, венчание. Twitter

Достаточно терпимо к таким бракам относятся те старообрядцы, которые оказались под гораздо большим влиянием советской атеистической эпохи. Однако, даже такие старообрядцы являются абсолютными сторонниками перехода кандидата в супруги в старообрядчество. В этом вопросе представители различных согласий совершенно единодушны. Исключительно в случае перехода они готовы поддержать такой брак. В этом нет ничего удивительного, поскольку вступают в действие защитные механизмы выживания, свойственные любой немногочисленной группе. Демографическая ситуация в старообрядческой среде сейчас такова, что поддержания элементарного уровня воспроизводства членов своего согласия они могут добиться, только лишь позволяя присоединяться к ним людям извне. Они вынуждены более открыто чем когда-либо общаться с внешним миром.

Иерей РПСЦ М. (45 лет, Урал) даёт ещё одно объяснение, почему не следует одобрять такие браки, хоть они вовсе не запрещены:

«Вот, например, выросла девушка, ей же надо замуж выходить? Не то, что ей запрещено за другого выходить. Но просто как она будет жить, если у них разное мировоззрение? Например, пост соблюдать, предохраняться или нет, аборт можно делать, в церковь ходить, материться, курить? Для некоторых это является нормой. Т.е. у нас разное мировоззрение, мы не гнушаемся чужих людей, но человек будет несчастлив, у него душа будет болеть. Мы понимаем, что не его это путь, судьбу ломает, дети будут несчастливы.

Поэтому мы ищем в первую очередь среди своих, тех, кто уверовал в Бога... И, естественно, мы хотим, чтобы молодые люди и девушки одного мировоззрения создавали семьи. Тогда крепкие семьи, детей правильно воспитывают. На них можно положиться. Естественно, надо общаться. Мы ездим друг к другу, знакомимся».

Здесь мы видим объяснение не с точки зрения полезности или вреда таких браков, а с точки зрения того, принесёт ли такой брак счастье людям в их личной, индивидуальной и уникальной семейной жизни. Действительно, каждый такой случай уникален. Кто-то смог построить счастливую семейную жизнь, кто-то горько пожалел, что не послушал увещаний родных и не вступил в брак со «своим», а кого-то знакомство с иноверцем и во все уводит из лона Старообрядческой Церкви. Респондентка А.К. (30 лет, поморское согласие, Каунас, Литва) свидетельствует, что эта проблема актуальна в месте её проживания, где особенно много представителей различных конфессий:

«К сожалению, у нас очень много таких случаев, когда старовер приходит за справочкой (о крещении – Е.Т.). Что ему нужна справочка в костёл. Что он идёт венчаться. Это очень печально. Это особенно в Каунасе ощутимо. Когда находят вторую половину иноверца или иноверку, никонианца или католика, и нужна только справка, что он крещёный».

Проблема также заключается в том, что сами переходящие зачастую руководствуются не самыми серьёзными мотивами. Многие перешедшие из другой конфессии делают это, всего лишь потакая желаниям своих невест или необходимости сделать это ради брака с любимой из-за давления третьих лиц. Как таковая, вера их вообще не интересует. Соответственно, так как человек не имеет ни малейшего желания вникать серьёзно в вопросы веры, следовать традициям и воспитывать в старообрядчестве своих детей, то такие глубинные разногласия становятся почвой для внутрисемейных конфликтов. Острых углов удаётся избежать, если супруги относятся друг к другу с уважением: один не настаивает на посещении церкви, другой не препятствует первому её же посещать. Такая удачная комбинация сложилась у респондентки А.О. (30 лет, белокриницкая, Кострома):

«Он со мной немножко походил после свадьбы, особенно вот когда родилась первая дочка, он походил, и чего-то его переключило – больше я не буду, говорит, ходить. Ну, не ходит – ладно, не мешает ходить. То есть у нас в

принципе, во всей семье, у родственников, то есть это какое... у нас получается второе поколение, то есть – моя мама... нет, третье поколение выходит замуж и женится не на своих, не на старообрядцах. Мама, её все двоюродные братья-сёстры женились и вышли замуж не за своих, крестили всех и моя бабушка, сколько их уже...раз, два, три... ну их там много было, но вот из тех, женился и выходил замуж – трое – тоже все не на своих ... Вот так вот все – у всей родни постепенно мужья приходили уже в старости. К сожалению, к старости, но в Церковь приходят. Все через это...все наши женщины через это прошли».

Конечно, среди наших респондентов были и те, кто приводил более позитивные примеры. Так, иерей Е. (52 года, белокриницкий, Приморье) привёл в пример своего зятя, который выразил желание креститься лишь после глубокого изучения истории и вероучения. Согласившись с постулатами религии и став их искренним и убеждённым приверженцем, он решил стать старообрядцем и жениться на дочери респондента. Безусловно, детям такого рода перешедших с наибольшей вероятностью будет привита любовь к вере и традициям предков. Но таких перешедших меньшинство. Большая же часть не будет заниматься воспитанием детей в духе старообрядчества и помогать своим супругам в этом деле.

Венчание. Кишинев, белокриницкие. Фото С. Цымбалюк

Ещё один вопрос, который мы задали респондентам в продолжение темы, - важно ли для них, чтобы их дети остались старообрядцами? Все опрошенные назвали такой вариант развития событий самым предпочтительным, однако они затруднились ответить, смогли бы они смириться с любым выбором ребёнка или нет. «Я думаю — да, мне хочется, чтобы они остались старообрядцами, но для меня... у меня есть такой уже страх, что они не найдут себе пару». (Респондентка А.О. переживает, что её дочь встретит никонианина, который соблазнит её перейти в РПЦ.

При этом её индифферентный по отношению к вере муж может легко одобрить выбор дочери, чего очень боится респондентка).

Другая опрошенная – Т.С. (25 лет, поморское согласие, Предуралье) настроена наименее консервативно из всех, участвовавших в опросе, но даже она, тем не менее, не уверена, что готова полностью смириться с выбором своего ребёнка внутренне:

«Ну, конечно, я бы хотела, чтобы мои дети тоже остались в нашей вере, да, так сказать, но сейчас такое время, что молодёжь творит, не знаю, что попало, и родителям больше ничего не остаётся, как просто их принять, их выбор, если они хотят сохранить отношения со своими детьми. На самом деле, сложно ответить на этот вопрос, потому что я же с этим не сталкивалась и на самом деле не знаю, как в будущем буду на это реагировать. То есть, возможно, я не смогу принять... То есть сейчас я говорю, что да, я бы наверно это приняла, а возможно потом мне покажется это странно, и я, наоборот, не смогу это принять. Но пока я настроена на то, что я буду принимать своего ребенка любым».

Иерей РПСЦ о. Т. (45 лет, Ярославская обл.) считает, что не нужно решать за взрослого человека, что ему делать. Нужно предоставить человеку выбор и пускай он сам исправляет последствия своих поступков. Конечно, родители не должны бездействовать, особенно, когда молодой человек ещё не совсем вышел из-под их влияния. Они должны воспитать в нём любовь ко всему «своему» и мягко им указывать нужное направление:

«Мы же мы все манипуляторы – родители. Мы будем манипулировать и действовать теми инструментами, которыми возможно. Глупый человек он будет вероломно действовать, а умный будет действовать подспудно, мягко, будет направлять, помогать в выборе, чем мы занимаемся. Это же очевидно».

Ещё один вопрос, который нам осталось рассмотреть – вопрос о роли женщины в семье. Тут уже старообрядцы делятся условно на более «консервативно» и более «либерально» настроенных. У часовенного В.П. (ок. 30 лет, Урал) жена не работает и в его окружении это считается нормальным и правильным. Но, в то же время, работающая жена в современных реалиях также воспринимается совершенно разумно – как неизбежная необходимость в условиях урбанизации:

«Да. Это не осуждается. Ну бывают случаи, когда, ну, нет в реальности нашей сейчас

возможности, чтобы заработка мужчины хватало на всё про всё. Тем более если это в городе. Если в городе как бы живут люди, у них нет своего хозяйства, подспорья какого-то, то понятное дело, что жена будет работать».

Уже упоминавшаяся А.О. полагает, что работа может только негативно сказаться на семейной жизни женщины, мешая ей исполнять свои обязанности по дому и по уходу за детьми. Успешное материнство, по её мнению, несовместимо с успешной профессиональной деятельностью. Более того, сам список пригодных для женщины профессий крайне скуден:

«В общем — любая профессия для женщины сложна, потому что когда появляются дети заработать сложно — любой работой, не важно какой. Учительница — нормальная профессия для женщины, врач-педиатр — хорошая профессия для женщины, только учиться надо не трястись потом над собственными детьми, потому что я знаю очень много педиатров, которые своих детей залечивают. Очень здорово залечивают. Что ещё для женщины профессия? Медсестра, то есть если мы про медицину говорим — медсёстры и всегда были медсёстры, да?».

Другие респонденты оценивают работу как нечто положительное не только для жены, но и для семьи в целом. Иерей РПСЦ о. Т. аргументирует данную точку зрения заботой о внутреннем счастливом и удовлетворённом жизнью состоянии женщины:

«Поэтому я считаю, что муж должен участвовать во всех делах семейных на равных и уметь одновременно с женой все функции семейные исполнять, в том числе даже готовить и прибираться, и всё остальное. И помогать, заменять супругу в этих вопросах, и разрешать ей работать. А тем более, что, когда женщина ходит на работу, она лучше себя чувствует, выглядит лучше, чем живёт в золотой клетке».

Старообрядческая семья, часовенные. Интернет

Самая молодая респондентка Т.С. утверждает, что не собирается сидеть дома круглыми сутками ни в коем случае, так как ей нужен активный образ жизни. Но и гнать на работу, если женщина не хочет, муж тоже не должен и не имеет права в таком случае попрекать жену тем, что она не приносит денег в дом. По словам респондентов, люди уже должны крепко «стоять на ногах» перед вступлением в брак. Взгляды Т.С. находятся в полном соответствии со взглядами на данную проблему большей части городской молодёжи. Позиция Т.С., на наш взгляд, является свидетельством достаточно заметного влияния внешнего мира на старообрядческую среду, которая постепенно разбавляется и приближается по своим воззрениям к нестарообрядцам (это касается городских и образованных старообрядцев, но никак не наиболее консервативно настроенных представителей из глубинки). Особенно это касается молодёжи, в сознании которой вероучение и старообрядческая культура не настолько сильно укоренены.

Что касается отношений внутри семьи, то все респонденты считают, что главой семьи является именно муж. Однако женщина, без сомнений, имеет право на уважительное к себе отношение и главенство в каких-то вопросах:

«Тогда, когда жена, женщина вообще, если мы почитаем Домострой внимательно, да, это кто? Это администратор, это менеджер. Поэтому тут как бы очень сложно на такой вопрос ответить. Понятно, что любая семья она иерархична. Муж есть глава жены и так далее, да, но не без житейской мудрости: муж — глава, да, жена — шея» (В.П.).

Респондент И.М. (32 года, поморец, В.Новгород) объясняет, что, к сожалению, люди, перешедшие в старообрядчество в зрелом возрасте и не воспитывавшиеся в этой среде, проецируют свои стереотипные представления о том, как должна выглядеть, по их мнению, традиционная патриархальная старообрядческая семья, на реальную жизнь:

«Есть представление о том, что, вот, в старообрядчестве должно быть как традиционная такая религия. Как ислам, например: многие очень любят сравнивать. Я несколько таких знаю деятелей поморского согласия, в частности. Они полагают, что все там женщины (неразб.) под лавку и так далее. Вот. Кстати! В южных общинах такое частично даже присутствует».

В целом старообрядческие женщины сами чужаются радикальных феминистических идей современности. Они их отвергают, и нельзя сказать, что оказываются под сколь-нибудь заметным их влиянием.

Подводя итоги нашего исследования, стоит отметить главное – старообрядцы ратуют за сохранение отеческих традиций и передачу следующему поколению своей веры. Все опрошенные желали бы, чтоб их дети и внуки остались старообрядцами. В ситуации, когда один из супругов взят не из «своих», он часто не вызывает особого рвения в воспитании детей в вере, из-за чего увеличивается вероятность прохладного отношения к традициям и религии предков. В семейно-бытовой сфере старообрядцы остаются приверженцами традиционализма.

Екатерина Тимонина
Кафедра истории Церкви

О проекте «Рукописная книга: традиция и современность»

Подходит к завершению проект «Рукописная книга: традиция и современность», осуществляемый Музеем истории и культуры старообрядчества при поддержке Фонда Президентских грантов и направленный на сохранение, изучение и популяризацию славяно-русского книжно-рукописного наследия XI–XX вв.

Членами команды проекта и приглашенными специалистами, среди которых сотрудники МГУ, Московской государственной консерватории и Государственной Третьяковской галереи, было подготовлено более 40 тематических научно-популярных статей с обширной библиографией, которые послужат подспорьем исследователям гуманитарных специальностей (историкам, искусствоведам, филологам, палеографам, археографам, кодикологам, источникововедам, музыковедам, лингвистам и другим), студентам, реставраторам, художникам и дизайнерам, сотрудникам

музеев, архивов и библиотек, преподавателям и всем заинтересованным лицам.

В рамках проекта были осуществлены описание и оцифровка части книжно-рукописных собраний ныне покойного Дениса Валерьевича Пересторонина (Москва) и Виктора Викторовича Смирнова (С.-Петербург). Среди отобранных единиц собрания Пересторонина значительную часть составляют сочинения представителей старообрядческого согласия скрытников, а также иконные прорисы XVII – нач. XX в.

Автор статьи описывает рукописи

Также прошли открытые лекции и мастер-классы для взрослых и детей в Школе исторической каллиграфии при Институте Наследия. Среди лекторов-партнеров проекта – каллиграфы, реставраторы и исследователи из Московского государственного университета, Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия, Государственной Третьяковской галереи и других научно-образовательных и культурных учреждений России.

Лекции были посвящены истории славянской письменности, истории археографии в России, книжной миниатюре христианского Востока X–XIX вв., певческим рукописям, искусству художественного переплета, истории бумаги и другим сегментам книжного искусства.

В мае-июне 2021 года прошла выставка «Рукописная книга: традиция и современность», где были представлены славянские рукописи XVI–XIX вв. из собрания брянского коллекционера Алексея Беласа, а также современные работы выпускников Школы исторической каллиграфии.

Завершающим этапом проекта станет презентация сайта, на котором размещены тематические научно-популярные статьи и видео мастер-классов, подготовленные в ходе реализации проекта.

Открытый доступ к оцифрованным предметам частных собраний позволит исследователям

и всем интересующимся темой книжно-рукописного искусства использовать их в своих публикациях, экономя время и значительные средства, расходуемые на транспорт, проживание, фотографирование и так далее. Последние мировые события, связанные с ограничением передвижения и закрытием на карантин библиотек и музеев, ярко продемонстрировали насколько важны сегодня программы по описанию, оцифровке и предоставлению удаленного доступа к памятникам истории и культуры, в особенности

тем из них, что по ряду причин недоступны для широкой аудитории.

Марина Волоскова

Фотографии А. Зиминой, Н.С. Душаковой, Д.А. Сундуковой, Н.В. Литвиной
Составитель номера, верстка Н.В. Литвиной. Редакторы Е.В. Воронцова, Д.А. Сундукова
Археографическая лаборатория исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова— archlab@mail.ru

Н. Капур, Е. Матвеева, Е. Леонова беседуют с прихожанином поморской моленной М.Г. Даниловым. 2021

Лекция И.В. Поздеевой для участников практики в поморской моленной, г. Великий Новгород, 2021